

СУДОПРОИЗВОДСТВО В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-7440-2026-3-31-41

Дата принятия рукописи в печать: 03.09.2026 г.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,

*кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования, профессор кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ, ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию современного этапа цифровой трансформации судебного процесса в Российской Федерации. Обосновывается переход от модели «электронного правосудия», основанной преимущественно на переводе отдельных процессуальных действий в электронную форму, к цифровому судебному процессу, в котором информационные системы, дистанционные коммуникации, электронные доказательства и алгоритмические инструменты становятся элементами самой процессуальной формы. Особое внимание уделено институциональным изменениям 2026 г., включая создание Управления цифровой трансформации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и принятие нового Порядка подачи документов в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде. Исследуются проблемы веб-конференций, технологического неравенства сторон, аутентичности электронных доказательств, дипфейков, кибербезопасности, использования искусственного интеллекта при подготовке судебных актов и анализа судебной практики.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, цифровой судебный процесс, электронное правосудие, электронные доказательства, веб-конференция, искусственный интеллект, дипфейк, судебная власть, адвокат, процессуальные гарантии, ГАС «Правосудие».

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

*Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation,
laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor of the Department of Private Law of the State University of Management*

DIGITAL TRANSFORMATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: PROCEDURAL GUARANTEES, ELECTRONIC EVIDENCE AND LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. The article examines the current stage of digital transformation of judicial proceedings in the Russian Federation. It substantiates a transition from “electronic justice”, understood mainly as the conversion of separate procedural actions into digital form, to a digital judicial process in which information systems, remote communication, electronic evidence and algorithmic tools become elements of procedural form itself. Particular attention is paid to the institutional changes of 2026, including the establishment of the Digital Transformation Department within the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation and the adoption of new rules for electronic filing in federal courts of general jurisdiction. The paper analyzes web conferencing, digital inequality, authenticity and integrity of electronic evidence, deepfakes, cybersecurity, and the use of artificial intelligence in drafting judicial documents and analyzing case law.

Key words: digital justice, digital judicial proceedings, electronic justice, electronic evidence, web conference, artificial intelligence, deepfake, judiciary, lawyer, procedural guarantees.

Цифровизация судебной деятельности в России в течение последнего десятилетия прошла несколько качественно различных стадий. Если первоначально речь шла преимущественно об информатизации судов, автоматизации делопроизводства, размещении судебных актов в сети Интернет и создании возможности электронной подачи процессуальных документов, то современный этап характеризуется изменением самой архитектуры взаимодействия суда и участников процесса. Электронная форма обращения в суд, дистанционное участие в заседании, цифровое судебное дело, машинная обработка больших массивов судебных актов, автоматизированное распределение материалов, электронная идентификация и перспективное применение искусственного интеллекта образуют уже не совокупность вспомогательных сервисов, а взаимосвязанную цифровую среду отправления правосудия.

Такое изменение требует корректировки научной оптики. Категория «электронное правосудие» во многом отражала стадию, на которой традиционные процессуальные институты переносились в электронную форму без существенного пересмотра их содержания. Сегодня возникает вопрос о «цифровом судебном процессе» как о новом состоянии процессуальной формы, в котором цифровая технология влияет на доступ к суду, порядок совершения процессуальных действий, способы доказывания, характер судебной коммуникации и даже на способы интеллектуальной подготовки судебного решения. При этом цифровизация не отменяет конституционную природу судебной власти. Роль судов в системе государственной власти и в механизме правовой системы сохраняет определяющее значение независимо от технической среды осуществления правосудия [12, с. 23–31]. Следовательно, технологическая эффективность не может рассматриваться как самостоятельная ценность, превосходящая требования независимости суда, равноправия сторон, непосредственности исследования доказательств и права на справедливое судебное разбирательство.

Актуальность исследования усилилась в 2026 г. вследствие институционального оформления курса на цифровую трансформацию судебной системы. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 июня 2026 г. № 179 создано Управление цифровой трансформации, одной из прямо закрепленных задач которого названо внедрение технологий искусственного интеллекта [9]. В июле 2026 г. принят новый Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, существенно актуализировавший регламентацию электронного взаимодействия с судами [8]. Одновременно председателем Верховного Суда Российской Федерации обозначена цифровая трансформация как перспективное направление развития судебной системы, включая использова-

ние технологий на базе искусственного интеллекта для обработки массивов данных и генерации документов [11]. Эти решения показывают, что цифровизация вышла из стадии экспериментального или факультативного сопровождения судебной деятельности и стала направлением организационной политики судебной системы.

Цель статьи состоит в определении правовой модели цифровой трансформации судебного процесса, которая обеспечивала бы технологическое развитие без снижения уровня процессуальных гарантий. Для достижения этой цели решаются задачи: разграничить понятия информатизации, электронного и цифрового правосудия; оценить современную нормативную инфраструктуру электронного взаимодействия с судами; выявить риски дистанционного участия и цифрового доказывания; определить пределы допустимого использования искусственного интеллекта; сформулировать предложения *de lege ferenda* для цивилистических и административных процессуальных кодексов. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы, а также анализ современных доктринальных подходов к электронным доказательствам, веб-конференциям и алгоритмизации судебной деятельности.

В юридической литературе понятия «информатизация», «электронное правосудие», «цифровизация правосудия» и «цифровая трансформация» нередко используются как близкие. Между тем различие этих категорий имеет не терминологическое, а нормативное значение. Информатизация означает прежде всего техническое оснащение и автоматизацию уже существующих организационных процедур: регистрацию документов, учет дел, формирование статистики, ведение баз данных. Электронное правосудие предполагает возможность совершения юридически значимых процессуальных действий в электронной форме: подачи и получения документов, участия в заседании посредством видеосвязи, ознакомления с материалами дела, получения судебных актов. Цифровая трансформация начинается тогда, когда технология влияет на структуру и логику процессуальной деятельности, создавая новые способы доказывания, идентификации, коммуникации, распределения нагрузки и интеллектуальной поддержки принятия решений.

Поэтому цифровой судебный процесс предлагается понимать как урегулированную процессуальным законом деятельность суда и иных участников судопроизводства, в которой цифровые информационные системы используются не только для технической фиксации или передачи сведений, но и как юридически значимая среда совершения, удостоверения, проверки и воспроизведения процессуальных действий. В таком понимании цифровой процесс не является отдельным видом судопроизводства. Он представляет собой технологически модифицированную процессуаль-

ную форму, распространяющуюся на гражданское, арбитражное и административное судопроизводство, а в отдельных аспектах — на уголовный процесс и производство по делам об административных правонарушениях.

Существенным признаком цифровой трансформации является возникновение новых процессуальных рисков, которых не существовало либо которые имели иное значение в бумажном процессе. К ним относятся: зависимость доступа к правосудию от устойчивости информационной системы и качества связи; риск ошибочной или неправомерной электронной идентификации; возможность незаметного изменения цифрового файла; сложность подтверждения происхождения электронного сообщения; генерация реалистичного, но ложного аудиовизуального контента; непрозрачность алгоритмических рекомендаций; утечки персональных данных; различие цифровых компетенций профессиональных и непрофессиональных участников процесса. Эти риски показывают, что принцип технологической нейтральности закона не может быть абсолютным. Там, где технология создает специфическую угрозу процессуальному праву, должна существовать специальная юридическая гарантия.

В связи с этим цифровизация должна строиться на принципе функциональной эквивалентности: электронная форма процессуального действия допустима постольку, поскольку она обеспечивает не меньший уровень юридической достоверности, проверяемости и доступности, чем традиционная форма. Однако простого переноса бумажных процедур в электронную среду недостаточно. Например, сканированный документ и электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, имеют различную природу; видеозапись судебного заседания и участие через веб-конференцию создают разные риски; файл, содержащий изображение, может быть подлинным, измененным либо полностью синтетическим. Следовательно, процессуальное право должно оценивать не носитель как таковой, а надежность технологической цепочки создания, передачи, хранения и воспроизведения юридически значимой информации.

Представляется, что современная цифровая процессуальная форма должна основываться как минимум на пяти началах: доступности, эквивалентности, верифицируемости, человекоцентричности и информационной безопасности. Доступность означает недопустимость превращения цифрового канала в препятствие для обращения в суд. Эквивалентность требует сохранения объема процессуальных прав независимо от формы участия. Верифицируемость предполагает возможность проверить источник, целостность и историю цифрового объекта. Человекоцентричность сохраняет за судьей исключительное полномочие разрешения дела и оценки доказательств. Информационная безопасность охватывает защиту дан-

ных, устойчивость систем и фиксацию критически значимых цифровых событий.

Правовая основа цифрового судопроизводства складывалась постепенно. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ закрепил возможность использования электронных документов в деятельности органов судебной власти [5]. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ развил институты дистанционного участия, закрепив систему веб-конференции в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ и установив возможность идентификации лица без его личного присутствия с использованием государственных информационных систем [6]. В 2025 г. дистанционные механизмы получили дальнейшее развитие в производстве по делам об административных правонарушениях: Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ введены положения об использовании видео-конференц-связи и веб-конференции, в том числе с применением ЕСИА и единой биометрической системы для установления личности [7].

Наиболее показательно для современного этапа принятие приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 июля 2026 г. № 222, которым утвержден новый Порядок подачи документов в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде [8]. Документы могут направляться через личный кабинет в модуле «Электронное правосудие» ГАС «Правосудие» либо через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Порядок дифференцирует электронный документ и электронный образ документа, закрепляет требования к электронной подписи, допускает подачу обращения представителем из собственного личного кабинета и предусматривает организационно-техническую поддержку заявителей через многофункциональные центры. Последнее особенно важно: цифровизация приобретает социальную составляющую, поскольку государство не ограничивается предоставлением электронного канала, а должно создавать условия фактического доступа к нему.

Институционально значимым является и преобразование Управления информатизации Судебного департамента в Управление цифровой трансформации. Само изменение названия отражает переход от технического сопровождения к управлению изменением процессов. В задачи нового подразделения включены внедрение технологий искусственного интеллекта, формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей, цифровизация и автоматизация процессов сбора, обработки, хранения и предоставления информации, развитие информационных систем и информационной безопасности [9]. Такая конструкция создает административную основу для перехода к платформенной модели судебной цифровой инфраструктуры.

Однако институциональная централизация цифровых процессов должна сопровождаться нормативным разделением организационной и

собственно судебной функций. Судебный департамент вправе разрабатывать и обеспечивать информационные инструменты, но алгоритмические настройки, влияющие на процессуальное положение сторон либо на содержание интеллектуальной деятельности судьи, не должны становиться скрытым источником регулирования. Например, автоматический приоритет одних категорий документов, программная фильтрация приложений, алгоритмическая классификация дела или рекомендательная система судебной практики способны опосредованно влиять на рассмотрение дела. Следовательно, требования к таким системам должны быть транспарентными, проверяемыми и закрепляться на уровне нормативных актов, доступных участникам процесса.

Особое значение имеет вопрос о единстве цифровой судебной инфраструктуры. В российской системе исторически развивались различные электронные контуры для арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Для пользователя различие ведомственных технологий само по себе не имеет процессуальной ценности. Напротив, множественность интерфейсов, требований к форматам, подписанию и маршрутизации документов увеличивает транзакционные издержки и риск процессуальной ошибки. Перспективным представляется движение к единому пользовательскому стандарту: единая идентификация, унифицированный формат электронного дела, единые правила электронной доверенности, единая логика уведомлений и единый минимальный набор сервисов независимо от вида суда.

В то же время унификация не означает полного отказа от отраслевой процессуальной специфики. Арбитражный процесс характеризуется высокой долей профессионального представительства и цифрового документооборота; гражданский процесс включает значительное число граждан без профессионального представителя; административное судопроизводство связано с особой ролью суда в установлении фактических обстоятельств. Поэтому единая технологическая платформа должна допускать дифференцированные процессуальные сценарии. Иными словами, цифровая инфраструктура может быть общей, но процессуальная логика ее использования должна определяться соответствующим кодексом.

Веб-конференция стала одним из наиболее заметных институтов цифрового правосудия. Ее ценность очевидна: снижаются расходы участников, сокращается время на перемещение, повышается доступность суда для лиц, находящихся в другом регионе, имеющих ограниченную мобильность либо участвующих одновременно в нескольких профессиональных процессах. Федеральный закон № 440-ФЗ создал общую законодательную основу дистанционного участия в гражданском процессе [6]. Вместе с тем доктрина справедливо обращает внимание на необходимость сохранения гарантий процессуальной формы при взаимодей-

ствии суда и участника через экран [21].

Ключевой проблемой является распределение риска технического сбоя. В традиционном заседании неявка участника оценивается с учетом извещения и причин отсутствия. В цифровом заседании возникает третья группа обстоятельств: участник намерен участвовать, подключается своевременно, но не может осуществить полноценное процессуальное действие вследствие сбоя платформы, интернет-соединения, оборудования суда или идентификационного сервиса. Перенесение такого риска на участника без выяснения причин способно фактически ограничить право быть выслушанным. В научной литературе уже отмечались риски возложения на участника неблагоприятных последствий технической невозможности участия, особенно если дистанционный формат был фактически навязан организацией процесса [24].

Предлагается закрепить в процессуальных кодексах правило, согласно которому техническая невозможность участия в веб-конференции не приравнивается к неявке, если лицо предприняло разумные действия для подключения и сообщило суду о возникшей проблеме. Информационная система должна автоматически фиксировать попытки входа, время авторизации, разрывы соединения и ошибки. Такой системный журнал не должен рассматриваться как внутренний технический документ: при возникновении спора он должен быть доступен суду и участнику в объеме, необходимом для установления причин сбоя. Тем самым технология одновременно порождает риск и предоставляет средство его объективной фиксации.

Не менее важен вопрос конфиденциальности общения представителя и доверителя. Конституционно-правовые основы адвокатской деятельности предполагают особый характер профессиональной функции адвоката и необходимость гарантий независимого оказания юридической помощи [16, с. 34–39]. В электронном судопроизводстве эта проблема усложняется: участник может подключаться из помещения, где невозможно обеспечить конфиденциальность; техническая платформа может не предусматривать защищенного отдельного канала связи с адвокатом; суд не всегда способен удостовериться, что на дистанционного участника не оказывается внешнее воздействие. Сравнительный анализ организации адвокатской деятельности в европейских правовых системах также показывает значение институциональных гарантий профессии для эффективной защиты прав [14, с. 21–26].

В этой связи для цифрового судебного заседания необходим минимальный стандарт процессуальной среды. Он должен включать: возможность предварительного тестового подключения; визуальную и аудиальную идентификацию; фиксацию статуса соединения; защищенный канал для конфиденциального общения адвоката с доверителем в предусмотренных законом случаях; запрет на использование дистанционного формата, если он

объективно препятствует исследованию конкретного доказательства либо нарушает равенство сторон; возможность перехода к очному формату по мотивированному ходатайству. Право на дистанционное участие не должно превращаться в обязанность дистанционного участия.

Отдельного внимания требует принцип непосредственности. Экран не всегда является нейтральным посредником. Качество камеры, поддержка звука, невозможность наблюдать общую обстановку, ограниченность невербальных сигналов могут влиять на восприятие объяснений и показаний. Поэтому дистанционный формат наиболее бесспорен для процессуальных действий, где личное восприятие поведения участника не имеет существенного значения, и требует более осторожного применения в ситуациях, связанных с оценкой достоверности устных показаний. Процессуальный закон должен оставлять суду возможность признать очное участие необходимым, но такое решение должно быть мотивировано конкретными обстоятельствами дела, а не общим недоверием к цифровой форме.

Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что значительная часть юридически значимых фактов существует изначально в цифровой форме: электронная переписка, сообщения в мессенджерах, сведения информационных систем, записи камер, данные геолокации, электронные платежи, метаданные файлов, журналы доступа, облачные документы. При этом процессуальные кодексы по-прежнему в основном встраивают такие сведения в традиционную классификацию письменных и вещественных доказательств. Современные исследования справедливо указывают на необходимость более ясной регламентации электронного доказательства и критериев его оценки [20, с. 125–130; 22, с. 104–111].

Представляется целесообразным закрепить в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ легальное понятие электронного доказательства как информации о фактах, имеющих значение для дела, которая создана, зафиксирована, передана или хранится в цифровой форме и может быть воспроизведена с использованием программно-технических средств. Такое определение должно быть технологически нейтральным и не связываться с конкретным видом носителя. Самостоятельность электронного доказательства проявляется не в том, что оно всегда образует отдельный вид средств доказывания, а в специфике проверки его происхождения, целостности и воспроизводимости.

Для оценки электронного доказательства следует нормативно закрепить четыре базовых критерия: аутентичность — установление источника и автора либо информационной системы, сформировавшей данные; целостность — отсутствие не санкционированного изменения после юридически значимого момента; воспроизводимость — возможность корректно открыть и исследовать сведения с помощью доступных средств; прослежива-

емость — возможность установить существенные этапы создания, передачи и хранения объекта. Эти критерии должны применяться в совокупности. Например, скриншот может быть воспроизводимым, но не подтверждать источник; файл с электронной подписью может подтверждать автора и целостность, но не истинность содержащегося в нем фактического утверждения.

Особую угрозу создает развитие генеративных технологий, позволяющих создавать дипфейки — синтетические изображения, аудио- и видеозаписи, имитирующие конкретное лицо или событие. Исследователи обоснованно связывают дипфейки не только с частноправовыми рисками, но и с угрозой конституционному праву на достоверную информацию и информационной безопасности [15, с. 27–30]. Для судебного доказывания проблема еще острее: традиционное интуитивное восприятие аудиовизуальной записи как «непосредственного отражения реальности» становится методологически опасным.

Следовательно, оспаривание подлинности цифровой аудио- или видеозаписи должно запустить специальную процедуру проверки. Недостаточно возложить на оспаривающую сторону обязанность доказать факт монтажа, поскольку современные синтетические материалы могут быть практически неотличимы визуально. Предлагается использовать распределенную модель бремени доказывания. Лицо, представляющее цифровой материал, обязано раскрыть доступные сведения о его происхождении: исходный файл, устройство или систему создания, дату получения, метаданные, способ хранения. Сторона, оспаривающая материал, должна привести конкретные доводы, указывающие на возможность изменения или генерации. При наличии обоснованного сомнения суд обязан рассмотреть вопрос о назначении компьютерно-технической, фоноскопической либо иной экспертизы.

Законодательство должно стимулировать создание «цепочки цифровой сохранности» (digital chain of custody). Для материалов, получаемых государственными системами, банковскими платформами, операторами связи, нотариальными или иными доверенными сервисами, целесообразно предусмотреть стандартизированный журнал событий: идентификатор объекта, время создания, контрольную сумму, сведения об изменении и передаче. Криптографическая фиксация не делает содержание автоматически достоверным, но существенно упрощает проверку неизменности файла. В перспективе такая модель может применяться и к электронному судебному делу, обеспечивая проверяемость всех действий с процессуальными документами.

Наконец, следует разделять доказательственное значение цифрового содержания и способ его представления суду. Распечатка электронной переписки не превращает цифровое сообщение в обычный бумажный документ; это лишь визуали-

зация цифрового источника. Поэтому при наличии спора суд должен иметь возможность исследовать исходный электронный объект, метаданные и технический контекст. Такой подход отвечает общей тенденции доктрины, рассматривающей электронные доказательства как специфический объект теории судебных доказательств, требующий самостоятельного методологического инструментария [25].

Цифровизация меняет не только деятельность суда, но и стандарты профессиональной юридической помощи. Представитель становится оператором сложной цифровой процессуальной среды: он должен правильно сформировать электронный документ, выбрать тип электронной подписи, подтвердить полномочия, направить материалы в требуемом формате, обеспечить соблюдение срока, проверить поступление документа, участвовать в веб-конференции, представить цифровые доказательства и при необходимости оспорить их техническую достоверность. Ошибка в одном из этих элементов может иметь процессуальные последствия, хотя ее причина нередко лежит не в праве, а в архитектуре информационной системы.

Конституционно-правовая природа адвокатской деятельности требует, чтобы цифровая процедура не препятствовала оказанию квалифицированной юридической помощи. Исследование статуса адвоката в гражданском процессе подчеркивает значение процессуальных гарантий его деятельности [16, с. 34–39]. В условиях электронной подачи к таким гарантиям следует отнести возможность действовать из собственного подтвержденного личного кабинета, прозрачное подтверждение полномочий, надежное получение судебных уведомлений, доступ к полному электронному делу и технически защищенное участие в заседании. Новый Порядок 2026 г. является шагом в этом направлении, прямо допуская подачу электронного обращения из личного кабинета представителя [8].

Сравнительно-правовой материал также подтверждает, что электронное судопроизводство неизбежно связано с трансформацией адвокатской практики. Анализ конституционно-правовых основ деятельности адвоката в электронном судопроизводстве Испании и Италии показывает значимость комплексного регулирования цифрового взаимодействия адвокатуры и судебной системы [17, с. 44–51]. Российская модель должна учитывать этот опыт прежде всего в части профессиональной цифровой идентичности адвоката, стандартизированного электронного обмена и гарантированного доступа к материалам дела.

Перспективным представляется создание «профессионального процессуального профиля» представителя, интегрированного с реестрами адвокатов, доверенностей и юридических лиц. Такой профиль позволил бы минимизировать повторное представление документов о статусе и полномочиях, но должен работать по принципу минимизации данных: суду и другим участникам предоставляет-

ся только тот объем сведений, который необходим для конкретного процессуального действия. Автоматическая проверка полномочий не должна исключать право суда оценить их содержание, поскольку электронный реестр подтверждает юридический факт существования записи, но не всегда разрешает спор о пределах представительства.

Важным становится и вопрос применения адвокатом генеративного искусственного интеллекта при подготовке процессуальных документов. Само по себе использование интеллектуальных инструментов не должно запрещаться: они могут помогать систематизировать практику, анализировать массив документов, проверять структуру аргументации. Однако профессиональная ответственность остается на адвокате. Представление суду фиктивной ссылки на судебный акт, несуществующего источника или искаженного содержания документа вследствие «галлюцинации» модели должно оцениваться так же, как и иная недобросовестная либо небрежная процессуальная деятельность. В этой части цифровая компетентность постепенно становится элементом профессиональной компетентности юриста.

Наиболее дискуссионным направлением цифровой трансформации является применение искусственного интеллекта. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., обновленная в 2024 г., ориентирует государственное управление на широкое внедрение соответствующих технологий [10]. В 2026 г. внедрение искусственного интеллекта прямо включено в задачи Управления цифровой трансформации Судебного департамента [9], а на уровне руководства Верховного Суда обозначена возможность использования таких технологий для обработки больших массивов данных и генерации документов [11]. Таким образом, вопрос перемещается из плоскости «может ли ИИ использоваться в суде» в плоскость «для каких функций, при каких гарантиях и с какой юридической ответственностью он может использоваться».

В отечественной доктрине уже предлагаются модели поэтапного и безопасного внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность [18, с. 49–54], а также разграничиваются организационные функции и собственно отправление правосудия при определении пределов применения ИИ [19]. Такое разграничение представляется принципиальным. В организационной сфере допустимы и желательны автоматизация обезличивания, классификация документов, распознавание текста, формирование технических проектов постановок, проверка комплектности материалов, поиск дубликатов, анализ статистики, оптимизация расписания. В сфере интеллектуальной поддержки судьи возможны поиск релевантной судебной практики, построение временной линии, выявление противоречий в документах, подготовка информационной справки. Но определение юридически значимых фактов, оценка доказательств,

толкование нормы применительно к конкретному конфликту и формирование итогового вывода должны оставаться за судьей.

Такой предел вытекает не из технологического консерватизма, а из конституционной природы судебной власти. Судебное решение — это властный индивидуальный акт, вынесенный от имени государства независимым судом. Его легитимность основывается не только на логической корректности результата, но и на установленной процедуре, персональной компетенции судьи, возможности заявлять отвод, обязанности мотивировать решение и ответственности за осуществление правосудия. Алгоритм не обладает конституционным статусом судьи, не может быть субъектом независимости и не несет дисциплинарной либо иной юридической ответственности за разрешение дела.

Поэтому предлагается закрепить принцип человекоцентричного цифрового правосудия: информационные системы и искусственный интеллект могут использоваться для организационной, аналитической и технической поддержки судебной деятельности, однако не вправе автономно принимать решение, которым устанавливаются, изменяются или прекращаются права и обязанности участников процесса. Судья обязан лично проверить существенные фактические и правовые выводы, содержащиеся в судебном акте, независимо от того, применялась ли при его подготовке интеллектуальная система.

Отдельный риск связан с «эффектом автоматизированного авторитета». Рекомендация системы, представленная в интерфейсе суда как наиболее вероятный вариант решения, способна психологически влиять на судью даже при формально консультативном статусе. Особенно опасны закрытые модели, обученные на неизвестной выборке судебных актов и не позволяющие объяснить причину вывода. Поэтому юридически значимая рекомендательная система должна отвечать требованиям прослеживаемости: фиксировать версию модели, источники данных, запрос, существенные параметры и результаты, а также обеспечивать возможность последующего аудита. Это не означает раскрытия исходного кода каждому участнику дела, но требует институциональной возможности независимой проверки влияния системы на процесс. Необходимо и режим процессуальной прозрачности. Если система искусственного интеллекта использовалась только для орфографической проверки или поиска документа, специальное раскрытие не требуется. Если же алгоритм формировал аналитическую записку по фактам дела, предлагал квалификацию, сопоставлял доказательства или генерировал фрагмент мотивировки, в электронном журнале судебного дела должен сохраняться факт такого использования. Участники процесса не обязательно получают доступ ко всем внутренним рабочим материалам судьи, но контрольные органы и при необходимости вышестоящий суд должны иметь возможность установить, применялся ли

алгоритмический инструмент и не подменил ли он самостоятельную судебную оценку.

Практически важен вопрос обучения моделей на судебных данных. Судебные решения, процессуальные документы и приложения могут содержать персональные данные, сведения ограниченного доступа, коммерческую, семейную или иную охраняемую законом информацию. Передача таких материалов внешнему генеративному сервису недопустима без специальной правовой и технической инфраструктуры. Судебные ИИ-системы должны разворачиваться в защищенном контуре, обеспечивать разграничение доступа, журналирование операций и запрет использования закрытых материалов для неконтролируемого дообучения. Информационная безопасность здесь становится частью гарантии независимости правосудия.

Цифровая доступность судебных актов и развитие систем их машинного анализа меняют фактическую роль судебной практики. Даже в правовой системе, где судебный прецедент традиционно не признается универсальным формальным источником права в англосаксонском смысле, устойчивые правовые позиции высших судов и массовая воспроизводимость подходов нижестоящими судами оказывают значительное регулирующее воздействие. Современное исследование прецедентного права в российской судебной практике демонстрирует актуальность вопроса о соотношении судебного решения, правовой позиции и нормативного воздействия судебной практики [13, с. 51–59].

Алгоритмические системы усиливают это воздействие. Если раньше судья или представитель самостоятельно отбирали релевантные решения, то цифровая система ранжирует массив судебной практики, определяя, какие акты пользователь увидит первыми. Ранжирование становится скрытым фильтром юридической информации. При этом критерий «релевантности» может строиться на частоте совпадения, статистической близости, популярности позиции или иных машинных параметрах, не совпадающих с юридической значимостью. Так возникает риск «цифрового прецедента»: не формально обязательная, но алгоритмически приоритетная модель решения начинает воспроизводиться вследствие архитектуры поисковой системы.

Этот эффект особенно важен применительно к генеративным моделям, способным формировать готовое резюме судебной практики. Пользователь может не видеть, какие решения были исключены, какие факты модель посчитала существенными и как она разрешила противоречие между позициями. Поэтому судебная аналитика должна строиться на принципе проверяемой цитируемости: каждый существенный вывод системы должен быть связан с конкретным судебным актом, доступным для проверки. Генеративное резюме без источника не должно использоваться как основание для юридического вывода суда.

Проблема имеет и конституционное измерение. Если алгоритм фактически стандартизирует исходы споров, возрастает риск формального равенства при игнорировании индивидуальных обстоятельств. Право на равенство перед судом не означает право на механически одинаковое решение; оно требует единообразного применения права при сохранении индивидуальной оценки фактов. Судебная аналитика должна помогать выявлять отклонение от сложившейся практики, но не блокировать мотивированное отступление. Иначе технологическая последовательность превратится в ограничение судебного усмотрения. В связи с этим целесообразно различать три уровня алгоритмической аналитики: информационный, рекомендательный и предиктивный. Информационный уровень лишь структурирует и находит документы; он наименее рискован. Рекомендательный предлагает нормы, позиции или сходные дела и требует обязательной проверки человеком. Предиктивный прогнозирует вероятный исход конкретного спора и наиболее существенно влияет на поведение судьи и сторон. Использование предиктивного уровня внутри суда должно регулироваться наиболее строго, а его применение в отношении конкретного незавершенного дела не должно быть скрытым.

Проведенный анализ позволяет сформулировать комплекс предложений, ориентированных не на запрет технологий, а на перевод цифровизации в процессуально контролируемую форму. Первое предложение — включить в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ общую статью «Использование цифровых технологий в судопроизводстве». В ней следует закрепить принципы равного доступа, технологической нейтральности при сохранении уровня гарантий, информационной безопасности, проверяемости цифровых действий и обязательного содержания судебного контроля судьи над результатами применения автоматизированных систем.

Второе предложение - нормативно определить электронное доказательство и унифицировать критерии его оценки. В процессуальных кодексах целесообразно закрепить, что при оценке информации в цифровой форме суд устанавливает, насколько это возможно с учетом характера источника, ее происхождение, целостность, воспроизводимость и историю существенных изменений. Сторона, представившая цифровой объект, должна по требованию суда сообщить известные ей сведения о способе получения и хранения объекта. Отсутствие отдельных метаданных не должно автоматически влечь недопустимость, но учитывается при оценке достоверности.

Третье предложение - ввести специальное правило для синтетического и измененного аудиовизуального контента. Если сторона приводит конкретные доводы о возможной генерации или существенном изменении цифровой записи, суд должен обеспечить проверку исходного файла и метаданных, а при необходимости назначить экспертизу. Представление только визуальной копии

при наличии доступного оригинального цифрового файла должно оцениваться критически. Для доказательств, формируемых доверенными государственными или профессиональными информационными системами, следует развивать стандарты криптографической фиксации и журналирования.

Четвертое предложение - прямо определить процессуальные последствия технического сбоя. В ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ следует закрепить, что невозможность совершить действие в электронной форме вследствие подтвержденного сбоя государственной судебной информационной системы является уважительной причиной пропуска процессуального срока и основанием для его восстановления. Аналогично, подтвержденный сбой веб-конференции, препятствовавший участию лица в заседании, не должен приравниваться к неявке. Суд обязан оценить системные журналы и иные объективные данные о подключении.

Пятое предложение - установить право на функционально доступную нецифровую альтернативу для граждан в случаях, когда обязательная электронная форма прямо не предусмотрена федеральным законом. Цифровизация должна сокращать, а не увеличивать дистанцию между гражданином и судом. Возможность подачи бумажного документа, обращение через МФЦ, техническая помощь в формировании электронного обращения являются не пережитком бумажного процесса, а механизмом предотвращения цифровой дискриминации. Подход нового Порядка 2026 г., допускающий бесплатный доступ заявителей к ГАС «Правосудие» в секторах пользовательского сопровождения МФЦ, заслуживает дальнейшего развития [8].

Шестое предложение - закрепить пределы использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Закон должен прямо устанавливать, что решение по существу дела, оценка доказательств и вывод о правах и обязанностях участников не могут приниматься исключительно автоматизированной системой. Использование ИИ допускается как вспомогательный инструмент при условии контроля судьей. Для систем, способных генерировать аналитические выводы по конкретному делу, необходимы обязательная регистрация факта применения, версионирование модели, защищенное хранение журналов и возможность институционального аудита.

Седьмое предложение - утвердить стандарт качества судебных ИИ-систем. Он должен включать требования к точности, устойчивости, отсутствию дискриминационных закономерностей, качеству обучающих данных, информационной безопасности, прослеживаемости источников и регулярному независимому тестированию. Особое значение имеет проверка на «автоматизированное закрепление ошибки»: если модель обучена на массиве практики, содержащем устойчивое, но впоследствии признанное ошибочным толкование, система может продолжать воспроизводить его

после изменения позиции высшего суда.

Восьмое предложение - обеспечить цифровую процессуальную прозрачность без нарушения тайны совещательной комнаты. Не следует раскрывать внутренний ход размышлений судьи или технические черновики судебного акта. Однако участники должны иметь право знать правила функционирования цифровых сервисов, влияющих на их процессуальные действия: требования к форматам, причины автоматического отклонения документа, факт и время регистрации, статус отправки уведомления, технические основания отказа в подключении. Для ИИ-систем, влияющих на подготовку материалов по делу, должен существовать надзорный аудит, доступный вышестоящему суду или уполномоченному органу при проверке законности процесса.

Заключение

Цифровая трансформация российского судебного процесса вступила в фазу институционального закрепления. Создание в 2026 г. Управления цифровой трансформации Судебного департамента, обновление порядка электронной подачи документов и публично обозначенный курс на внедрение искусственного интеллекта свидетельствуют о переходе от фрагментарной информатизации к системному изменению судебной инфраструктуры. Следующим этапом должно стать соответствующее развитие процессуального права.

Основной вывод исследования состоит в том, что цифровизация не должна оцениваться только по числу электронных сервисов. Ее юридическим критерием является способность технологии обеспечивать более доступное и эффективное правосудие при сохранении либо усилении конституционных и процессуальных гарантий. Электронное действие должно быть проверяемым; дистанционное участие - не ухудшать возможность быть услышанным; электронное доказательство - исследоваться с учетом его цифровой природы; алгоритмическая помощь - оставаться под контролем судьи; цифровая инфраструктура - быть устойчивой и безопасной. Научная новизна предлагаемого подхода состоит в обосновании модели человекоцентричного цифрового судебного процесса, где технология признается элементом процессуальной формы, но не самостоятельным носителем судебной власти. Искусственный интеллект может усиливать интеллектуальные и организационные возможности суда, однако не должен становиться «скрытым судьей» либо непрозрачным фильтром судебной практики. Конечное решение, его мотивировка и ответственность за него должны принадлежать человеку-судье.

В перспективе нормативное развитие целесообразно сосредоточить на трех взаимосвязанных направлениях: унификации цифровой судебной инфраструктуры; создании специальных правил электронного доказывания и противодействия синтетическому контенту; формировании правового

режима использования искусственного интеллекта в суде. Именно сочетание технологической модернизации и процессуальных гарантий позволит перейти от «электронного суда» как сервиса к цифровому правосудию как устойчивой конституционно-правовой системе.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. по состоянию на 28.08.2026).
- [3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. по состоянию на 28.08.2026).
- [4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. по состоянию на 28.08.2026).
- [5] Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».
- [6] Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- [7] Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
- [8] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.07.2026 № 222 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».
- [9] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.06.2026 № 179 «Об утверждении Положения об Управлении цифровой трансформации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации».
- [10] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124).
- [11] Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов обозначил курс на цифровую трансформацию судебной системы // Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие». 19.02.2026.
- [12] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Современные подходы к типологии правовых систем и роль судов в системе органов государственной власти // Образование и право. 2016. № 9. С. 23–31.
- [13] Грудцына Л. Ю. Прецедентное право в российской судебной практике // Судебная власть. 2026. № 1 (январь–март). С. 51–59.
- [14] Грудцына Л. Ю. Конституционно-правовые

основы института адвокатуры в странах ЕС (на примере ФРГ и Франции) // Конституционное право. 2026. № 1. С. 21–26.

[15] Домнина А. В., Коровкина Е. А. Дипфейки как угроза конституционному праву на информацию // Конституционное право. 2026. № 1. С. 27–30.

[16] Кутяхов О. Е. Конституционно-правовые основы деятельности адвоката в гражданском процессе // Конституционное право. 2026. № 1. С. 34–39.

[17] Грудцына Л. Ю. Конституционно-правовые основы деятельности адвоката в электронном судопроизводстве в странах ЕС (на примере Испании и Италии) // Конституционное право. 2026. № 1. С. 44–51.

[18] Спиридонов А. П. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российский судья. 2024. № 2. С. 49–54.

[19] Старицын А. Ю. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве // Российский судья. 2024. № 11. С. 57–61.

[20] Бойко Е. Ю. Проблемы реформирования норм о доказательствах, основанных на электронных носителях // Закон и право. 2024. № 2. С. 125–130.

[21] Казиханова С. С. Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 10. С. 79–87.

[22] Карева Т. Ю., Юртаев С. Н. Проблемы оценки электронных доказательств в ходе судебного доказывания в цивилистическом процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3. С. 104–111.

[23] Гузий Д. А. Экстерриториальная (автоматизированная) подсудность и веб-конференция в цивилистическом процессе: точки роста и пересечения // Хозяйство и право. 2024. № 11. С. 42–54. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-11-42-54.

[24] Кашкарова И. Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. 2023. № 4. С. 172–188.

[25] Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право (Digital Law Journal). 2024. Т. 5. № 4. С. 79–95.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 28.08.2026).

[3] Arbitration Procedure Code of the Russian

Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 28.08.2026).

[4] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 28.08.2026).

[5] Federal Law of June 23, 2016 No. 220-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Application of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities.»

[6] Federal Law of December 30, 2021 No. 440-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.»

[7] Federal Law of April 7, 2025 No. 59-FZ «On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.»

[8] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of July 29, 2026 No. 222 «On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document.»

[9] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2026 No. 179 «On Approval of the Regulation on the Digital Transformation Department of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.»

[10] Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (as amended by Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2024 No. 124).

[11] Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation I.V. Krasnov outlined a course for the digital transformation of the judicial system // Information and Analytical Center for Support of the State Automated System «Justice.» February 19, 2026.

[12] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Modern approaches to the typology of legal systems and the role of courts in the system of government bodies // Education and Law. 2016. No. 9. pp. 23–31.

[13] Grudtsyna L. Yu. Case law in Russian judicial practice // Judicial power. 2026. No. 1 (January–March). pp. 51–59.

[14] Grudtsyna L. Yu. Constitutional and legal foundations of the institution of advocacy in the EU countries (using Germany and France as an example) // Constitutional law. 2026. No. 1. pp. 21–26.

[15] Domnina A. V., Korumkina E. A. Deepfakes as a threat to the constitutional right to information // Constitutional law. 2026. No. 1. Pp. 27–30.

[16] Kutyakhov O. E. Constitutional and legal foundations of a lawyer's activities in civil proceedings // Constitutional law. 2026. No. 1. Pp. 34–39.

[17] Grudtsyna L. Yu. Constitutional and legal foundations of a lawyer's activities in electronic legal proceedings in the EU countries (using the example of Spain and Italy) // Constitutional law. 2026. No. 1. Pp. 44–51.

[18] Spiridonov A. P. On the use of artificial

intelligence in judicial activity // Russian judge. 2024. No. 2. Pp. 49–54.

[19] Staritsyn A. Yu. Artificial intelligence in civil proceedings // Russian judge. 2024. No. 11. Pp. 57–61.

[20] Boyko E. Yu. Problems of Reforming the Rules on Evidence Based on Electronic Media // Law and Justice. 2024. No. 2. Pp. 125–130.

[21] Kazikhanova S. S. Web Conference as a Modern Model of Interaction between the Court and Participants in the Process: Shortcomings of Legal Regulation and Prospects for Use // Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 10. Pp. 79–87.

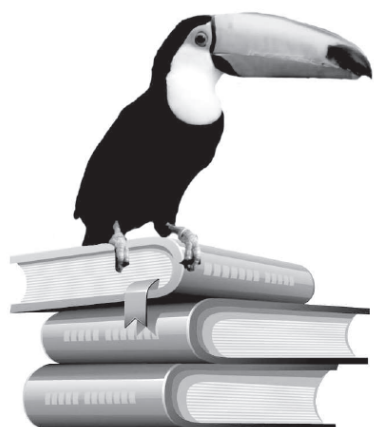
[22] Kareva T. Yu., Yurtaev S. N. Problems of Assessing Electronic Evidence in the Course of

Judicial Proof in Civil Procedure // Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2024. No. 3. Pp. 104–111.

[23] Guziy D. A. Extraterritorial (Automated) Jurisdiction and Web-Conference in Civil Procedure: Growth Points and Intersections // Business and Law. 2024. No. 11. pp. 42–54. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-11-42-54.

[24] Kashkarova I. N. Procedural Risks When Participating in a Court Hearing Using a Web-Conference System: First Law Enforcement Experience // Law. 2023. No. 4. pp. 172–188.

[25] Kazikhanova S. S. Electronic Evidence in the Theory of Forensic Evidence // Digital Law Journal. 2024. Vol. 5. No. 4. pp. 79–95.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.